

1 0 ФЕВ 1966

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

АКТЕР ГЕРОИЧЕСКОЙ ТЕМЫ

Вера ИВАНОВА

человек
и его
дело

В ПРИМЕНЕНИИ к Владимиру Ивановичу Честнокову такая формулировка может вызвать недоумение. Вроде никогда он не играл героев, которые брали бы штурмом города, врывались с обнаженной шашкой в расположение противника, закрывали собой амбразуру дзота.

Даже в ранней актерской юности, играя Фурманова в спектакле «Мятеж», Честноков больше размышлял о смысле происходящего, чем проявлял активную волю к действию, стремился «возглавить» события. В его комиссаре ощущалось внутреннее единство с революционной массой. Он умел понять ее настроения.

С именем Честнокова, правда, тесно связаны роли героико-романтического репертуара: Сирано де Бержерак, Дон Сезар де Базан... Но и в этих ролях никогда не было натушной красоты, актер избегал «позы», ложного пафоса.

Были в биографии актера и военные роли: Левин («Второе дыхание»), Сафонов («Русские люди»), Сибирцев («У стен Ленинграда»), Горбунов («Офицер флота»). И все это были рыцари воинского долга, рыцари чести советского офицера. Умные, интеллигентные и самоотверженные люди.

И все-таки, что бы ни играл Честноков, он всегда играет героя. Актер расширяет понятие героического, исследует нравственные истоки человеческого поведения. Тот нравственный фундамент, на котором должен и может вырасти подвиг. Пусть не сейчас, не сию минуту, на сцене. Актеру важнее нравственный потенциал человека — возможность совершить героическое деяние.

Поэтому актер непримирим к тем своим героям, которые по своим человеческим качествам противоположны его нравственному идеалу. При этом Честноков не наделяет своих отрицательных персонажей какими-то резкими, отталкивающими чертами. Актер наряжает их в тогу добродетели. Его отрицательные герои мимикрируют под лучшие качества героев. И только излишняя «верность образу» выдает их, как

необыкновенно точная грамматически речь обнаруживает иностранца. Таков был его Кругляков в «Откровенном разговоре» Л. Зорина. Этот мастер демагогической фразы был неуловимо подл именно в своей неуязвимой правильности. И в роли Вилли Айзенринга, поджигателя из пьесы Макса Фриша «Бидерман и поджигатели», актер играет на той же тончайшей грани. Честноков — актер четких оценок, у него всегда точны «да» и «нет».

Смысл его актерского авторства роли — поиск своеобразного характера героя, выяснение, в чем пафос жизни этого человека, в чем его сила. Особенно актера увлекает поэзия мысли, специфичность жизни интеллекта. Личность мыслящая для него полна тайн, неожиданностей и открытий. Честноков любит воспроизводить, обнаруживать и делать сценически выразительными эти неожиданные повороты мысли героев. Именно эта особенность и стала основой успеха его работы над образом В. И. Ленина в спектакле «Между ливнями» А. Штейна.

Вот на полуосвещенной сцене начинается «рассветать» большое, голое, без занавесей окно. Постепенно свет заливает комнату, в которой не много предметов: черный клеенчатый диван, белая кафельная печь, стол под клеенкой, на тарелочках — маленькие ломтики хлеба.

Пока мы рассматриваем эту комнату, из-за сцены слышен смех. Раскатистый, веселый. Он затихает и вспыхивает вновь. Но вот Ленин появляется на сцене. Лицо закрыто развернутой газетой. Быстро идет к телефону и рассказывает Марии Ильиничне содержание статьи, которая так его насмешила. Статейка про него. Изображен уродом, чудищем: «рыжий», «косоглазый» и... самое смешное — «кушает кокачок в шампанском». И опять взрыв смеха. Ильич хохочет весело и непринужденно. Его искренне веселит эта злобная глупость. Пожалуй, он даже рад этой краткой передышке в напряженном, расписанном по минутам рабочем

дне.

Анекдотическое описание его внешности и образа жизни насмешило Ленина в исполнении Честнокова на короткое мгновение. Затем сразу же наступает желание разгадать смысл чудовищной лжи. Как трезвый политик, он понимает, что за этой «вакханалией» лжи кроется свой, особый, второй смысл. «Пушки дредноутов нацелены на Петроград», — читает он во французской газете. Тоже ложь? Подозрительная, настораживающая.

Минутная передышка закончилась. Честноков стремится раскрыть мир мыслей, показать процесс мышления гениальной личности. Встал на стул, чтобы открыть форточку. Увидел двор Кремля, весну, неубранный снег, зелено-ватое-серое от усталости лицо товарища, который идет по этому двору. А за этими мелочами стоит крупное: разруха в стране.

Беспорядок — некому лифт починить в Совнаркоме. А товарища все-таки надо посылать за хлебом в деревню. И лучше посылать его, а не другого. Он хлеб привезет без крови, без штыков. Хлеб! Заметил поразительный исторический парадокс: первый раз в истории правящий класс, рабочий класс России, умирает от голода. И растерянно обнаружил, что съел свою порцию хлеба. Рассердился и вспомнил мужичка из ходоков, который во время приема все что-то бормотал в утоллке. Что-то раздражавшее... А, — «торговлишку бы». И вспомнил своих противников, которых нужно еще будет переубедить. Хлопнул кулаком по ладони другой руки.

— А что? И торговлишку!

И вот как будто перед ним сидят эти противники во плоти, он гневно убеждает тех, кто хочет коммунизма прямо завтра, непременно завтра, вопреки здравому смыслу. И, как найденное окончательно определение, раздумчиво повторяет: новая экономическая политика.

Большое искушение для артиста — сыграть в этом месте сиюминутное рождение идеи Ленина о

необходимости нэпа. Честноков минует это искушение.

«Экономика весны двадцать первого года стала политикой» — оттачивается, шлифуется мысль. Ее нельзя бросить просто так. Ее могут не понять. Ей будут возражать. Это заведомо известно. Слово должно быть безукоризненно точным, оно — оружие заграничного боя.

Постепенно, скрупулезно исследуя детали, лепит актер характер Ленина. И в этой работе особенно важна вторая сцена.

Сцена бессонницы — это сражение с самим собой, с думами, возбужденными рассказом Позднышева о кронштадтском мятеже. В этом сражении дисциплины и мысли побеждает мысль. Она возникает, отталкиваясь будто от пустяков. Становится значительной, отливается в четкую фразу, которую надо записать. Завтра — выступление на съезде. Ленин как бы уговаривает, урезонивает собственные мысли, ставшие вдруг непослушными.

На сцене — Ленин, переполненный изобилием мыслей, идей, планов. Ему просто не хватает суток, и в его ночные часы вливается и бурлит жизнь, которую он любит, которую он создает и переделывает. Творческое начало, созидательная сила, нетерпение бойца — вот эмоциональный поток, несущийся со сцены в зрительный зал, когда Честноков играет сцену ленинской бессонницы. Актер стремится разгадать секрет ленинской работоспособности, неутомимости, секрет ленинского характера. Секрет личности.

Актер открывает высокую поэзию в жизни и движении ленинской мысли. Посмотрев его в этой роли, можно уверенно сказать: Владимир Иванович Честноков — актер героической темы, умеющий передать зрителю и упоение боем, и упоение полетом человеческой мысли.

ЛЕНИНГРАД.